

Научная статья

УДК 811.161.1'282

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16205>

EDN: <https://elibrary/EXCZXX>

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИСТРИБУЦИИ ДЕРИВАТОВ С ФОРМАНТОМ -УШ/А В ЗАПАДНЫХ И СИБИРСКИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА

А.А. Лушпей¹ , Е.С. Лунькова²

¹ Кемеровский государственный институт культуры,
г. Кемерово, Российская Федерация;

² Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Российская Федерация

✉ ana1534@ya.ru

Аннотация. Изучение словообразовательного уровня русского диалектного языка представлено в большинстве случаев анализом словообразовательных типов производных существительных с конкретно-предметной семантикой. Рассмотрение производных слов с формантом -уш/а представляет возможность их изучения в рамках словообразовательной ниши, что обусловлено неоднозначностью мотивирующей основы и поливалентностью суффикса. Для анализа материала используются описательный метод, метод сопоставительного анализа, частные методики словообразовательного анализа и анализа пропозиционально-оценочного компонента семантики производного слова, методика моделирования комплексных единиц словообразования, элементы методики количественного и лингвокультурологического анализа. Описание территориальной дистрибуции производных слов с таким суффиксом в западных русских говорах Европейской части России и в сибирских говорах демонстрирует специфику их функционирования: если в первых сохраняется большое количество архаических моделей, то во вторых наполнение моделей сдвигается в сторону наименований лиц, причем часто такое именование сопровождается негативной коннотацией; в то же время устойчивость и однородность словообразовательных моделей может говорить об относительно новой языковой тенденции, характерной для говоров Сибири.

Ключевые слова: диалекты, западные говоры, сибирские говоры, словообразовательный формант, словообразовательная ниша, производные слова.

Для цитирования: Лушпей А.А., Лунькова Е.С. Особенности территориальной дистрибуции дериватов с формантом -уш/а в западных и сибирских говорах русского диалектного языка // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 71–84. DOI: 10.18721/JHSS.16205

FEATURES OF THE TERRITORIAL DISTRIBUTION OF DERIVATIVES WITH THE -USH/A FORMANT IN WESTERN AND SIBERIAN DIALECTS OF THE RUSSIAN DIALECT LANGUAGE

A.A. Lushpey¹ , E.S. Lunkova²

¹ Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation;

² Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

✉ ana1534@ya.ru

Abstract. The study of the word-formation level of the Russian dialect language is mostly represented by the analysis of the word-formation types of concrete-noun derivatives. Study of derivatives with the suffix -ush/a offers unique insights into derivational niches, due to the ambiguity of the motivating basis and the polyvalence of the suffix. The description of the territorial distribution of derivatives with the suffix -ush/a in Western Russian dialects of the European part of Russia and in Siberian dialects demonstrates the specifics of their functioning: Western dialects have a large number of archaic models, and Siberian dialects indicate the shift of models towards personal nominations, often with negative connotation; at the same time, the stability and unity of elements of word-formation niche may indicate a relatively new linguistic trend, which characterizes Siberian dialects.

Keywords: dialects, Western dialects, Siberian dialects, word-formation formant, word-formation niche, derivatives.

Citation: Lushpey A.A., Lunkova E.S., Features of the territorial distribution of derivatives with the -ush/a formant in Western and Siberian dialects of the Russian dialect language, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 71–84. DOI: 10.18721/JHSS.16205

Введение

Русские говоры давно находятся в центре внимания исследователей в силу их богатой и сложной истории развития. До недавнего времени привлекали внимание преимущественно фонетические, лексические (в том числе ономастические) и морфологические особенности говоров; в настоящей статье в центре внимания оказалось описание производных существительных в рамках комплексной словообразовательной единицы – словообразовательной ниши. Л. А. Араева определяла словообразовательную нишу по частеречному составу мотивирующих; по степени активности сочетаемости форманта с мотивирующими определенной части речи; по соотношению словообразовательного значения ниш со словообразовательными значениями составляющих их типов; по особенностям взаимодействия словообразовательных типов с одним формантом [1]. Данное исследование проводилось на материале производных существительных с формантом -уш/а как важных единиц лексики, отражающих собственно диалектную специфику изучаемого материала, обусловленную включением данных слов в традиционную материальную культуру русских крестьян. Немногочисленная представленность дериватов с -уш/а в Западной группе русских народных говоров Европейской части России и в сибирских народных говорах связана с детерминантами как экстралингвистического характера (процесс изменения государственного строя, переход общества в индустриальную эпоху развития неизменно влечет изменение словарного состава языка; многие предметы быта, орудия труда и т. д. исчезли из повседневной деятельности человека), так и лингвистического свойства (конкуренция за сферу семантического влияния среди словообразовательных типов, входящих в разные словообразовательные ниши, достаточно высока, побеждают более регулярные типы).

В результате всех этих процессов синонимичные типы, обладающие бóльшим количеством пропозиций, вытесняют менее продуктивные типы с малым количеством пропозиций. На современном этапе развития языка словообразовательные типы с формантом -уш/а уже вышли из ситуации замещения и находятся в состоянии стагнации, о чем свидетельствует функциональная сфера их применения: на письме в абсолютном большинстве случаев — это сфера художественного или публицистического стиля, причем в случае с номинацией лиц это ситуация диалога персонажей, в процессе которого один из участников экспрессивно номинирует другого.

Обширный инвентарь суффиксов задействован в словообразовательной деятельности носителя диалекта, этот инвентарь способствует формированию различных словообразовательных ниш. Диалектные ниши демонстрируют устойчивое словообразовательное значение в русских народных говорах и имеют уникальный семантический рисунок. Именно словообразовательная ниша в результате включения на правах общности форманта и инвариантного словообразовательного значения дериватов (прежде всего мутационного значения) позволяет анализировать особенности функционирования схожих по структуре производных слов в русских народных говорах — за счет поливалентности форманта и семантики производящей основы. В дериватологии изучение словообразовательной ниши представлено единичными работами, что отнюдь не свидетельствует об отсутствии актуальности данного объекта исследования, напротив, такое положение предполагает перспективу исследования производных слов с тождественным формантом в различных диалектных системах, в нашем случае — в пространстве дистантно расположенных западных русских (смоленских, брянских, псковских) и сибирских говоров. На современном этапе развития языка словообразовательные типы с формантом -уш/а находятся на периферии словообразовательной системы русского языка, что объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами.

В статье представлены результаты осмысления диалектного материала в нескольких отраслях современного языкознания: этнолингвистики, лингвоаксиологии, диалектологии и словообразования. Теоретической основой исследования послужили труды ученых в области словообразования¹ [1–3], лингвоаксиологии [4–6], этнолингвистики² [7–10] и диалектологии [11, 12]. Современная диалектология развивается в различных направлениях: это по-прежнему исследования в русле структурной парадигмы, а также научные изыскания, связанные с изучением диалектной картины мира и диалектного языка в широком контексте народной культуры и теории диалектной языковой личности³ [13–16].

Методы и методология исследования

Для анализа материала используются описательный метод, метод сопоставительного анализа, методики словообразовательного анализа и анализа пропозиционально-оценочного компонента семантики производного слова, методика моделирования комплексных единиц словообразования, основанная на составлении и описании диалектных словообразовательных моделей в рамках словообразовательных типов, элементы методики количественного и лингвокультурологического анализа. Широко применяется также метод сравнительно-типологического анализа — необходимость его применения связана с обнаружением различий в разных диалектных системах и установлением отношений между ними. В качестве единиц для исследования выступают дериваты с формантом -уш/а, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских народных говоров (в общей сложности было обработано 109 томов, 1470 словарных статей).

¹ Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование: учебное пособие. М.: Просвещение, 2013. 304 с.

² Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 448 с.

³ Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск: Издательство Томского университета, 2016. 132 с.; Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Издательство Московского университета, 2001. 143 с.

Обсуждение

Словообразовательная ниша с суффиксом -уш/а является особым объектом изучения в диалектном словообразовании, поскольку наглядно демонстрирует специфику и динамику развития словообразовательных единиц на различных участках деривационной системы русских народных говоров. «Признание в качестве комплексной единицы словообразования словообразовательной ниши определяет ее как иерархически организованную структуру знаний, как способ хранения информации, содержащейся в мотивирующем и производном слове» [16, с. 750]. Обратимся к частным представителям этой системы в Западной группе русских народных говоров (смоленские говоры как основной территориальный представитель Западной группы, брянские и псковские говоры) и в сибирских говорах (в целом в русских народных говорах Сибири по данным «Словаря русских говоров Сибири»), поскольку эти дистантно расположенные группы говоров ярко демонстрируют специфику территориальной дистрибуции словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а в пространстве русского диалектного языка.

Выбор смоленских говоров как центральных говоров в Западной группе обусловлен их почти двухвековой традицией изучения, в результате которой они получили достаточно полное описание: были исследованы различные языковые уровни (фонетика, лексика, грамматика), представлены особенности отдельных говоров, проведены исследования современного состояния и истории говоров, имеются работы по этимологическим проблемам, диалектная лексика нашла свое отражение в лексикографических трудах; был определен статус смоленского диалекта в системе народных русских говоров [17]. На основании комплексного изучения словообразовательных типов наименований артефактов как одного из наиболее значимых участков деривационной системы в смоленских говорах можно утверждать, что в них исторически сложилась и в настоящее время функционирует целостная словообразовательная система. Полифункциональность динамики развития диалектных словообразовательных типов в пространственно-временной функциональной проекции позволяет установить специфику диалектной словообразовательной системы через призму производного диалектного слова. Все эти факторы совокупно влияют на выбор словообразовательной ниши с суффиксом -уш(а) для комплексного анализа.

Основные классификационные признаки, используемые для описания словообразовательной ниши, включают следующие параметры:

1) часть речи производящей основы – имя существительное (С), имя прилагательное (П), глагол (Г), словосочетание (СС). Производящие иных частей речи в рамках описываемой словообразовательной ниши не встречаются;

2) лексическую характеристику производного слова, принадлежность его к наименованиям артефактов (А), натурфактов (Н) или разнообразными характеристиками человека (Ч). В случае отклонения от предложенной схемы распределения лексических значений в статье даются необходимые комментарии. Такая категоризация анализируемого диалектного материала обусловлена самой природой этого процесса, так как именно «в акте категоризации принципиально важными являются два момента: знак и его элементы выступают, с одной стороны, как символы вкладываемого в них смысла, а с другой – как то, что требует подтверждения своему разумному существованию. Это означает, что акт категоризации по существу своему амбивалентен, поскольку, с одной стороны, устанавливает возможность для квалификации познаваемого, а с другой – не мыслим без способов, объективирующих символический потенциал определяемых элементов» [2, с. 21]. В случае лексической омонимии в данных материалах учитываются производные лексические единицы с разными типами значений.

Смоленские и брянские говоры демонстрируют разное количество производных слов с суффиксом -уш/а, однако среди них значительно преобладают существительные из смоленских говоров, поскольку здесь было обнаружено 19 существительных с мутационным значением по

сравнению с шестью словами, известными брянским говорам; здесь и далее в скобках указаны производящие слова для каждого производного существительного, полужирным шрифтом выделены диалектные производящие слова:

баглу́ша (от *ба́глишь* ‘жарко топить печь, плиту, баню’, ГА⁴) – пресная лепешка из муки, картофеля. ССГ⁵. 1: 100;

борову́ша (от *боровой*, ПН) – сосна, растущая в бору. СРНГ⁶, 3. ССГ 1: 227;

волоку́ша (от *волочить*, ГА) – 1. 1) Приспособление для перевозки сена, соломы и т.д., сделанное из двух жердей, скрепленных прутьями или веревками. ССГ 2: 71;

горбу́ша (от *горб*, СА) – коса-горбуша. ССГ 3: 54;

горьку́ша (от *горький*, ПА) – водка. ССГ 3: 63;

грему́ша (от *греметь*, ГН) – каменистая мелкая речка с быстрым течением. ССГ 3: 72;

задвигу́ша (от *задвигать*, ГА) – деревянная или железная задвижка, употребляемая для запираания дверей, ворот; засов. ССГ 4: 61;

квоку́ша (от *квохтать*, с фонетическим вариантом *квоктать*, ГН) – курица-наседка. ССГ 5: 28;

килу́ша (от *кила*, СН) – брюква. ССГ 5: 30;

куку́ша (от *куковать*, ГН) – кукушка. ССГ 5: 126;

куру́ша (от *курукать* ‘издавать звуки, о курице’, ГН) – курица-наседка. ССГ 5: 140;

ладу́ша (от *ла́дить* ‘ритмично исполнять какую-либо работу’, ГА) – углубление в мялке. ССГ 6: 9;

лиху́ша (от *лихой*, ПА) – холодное кушанье. ССГ 6: 43;

мокру́ша (от *мокрый*, ПН) – мокрица. ССГ 11: 255;

плаку́ша (от *плакать*, ГН) – несъедобный гриб. ССГ 8: 76;

плоску́ша (от *плоский*, ПА) – односкатная крыша двора. ССГ 8: 83;

рябу́ша (от *рябой*, ПА) – пояс, сплетенный из разноцветных ниток. ССГ 9: 153;

толку́ша и **толоку́ша** (от *толочь*, ГА) – пест, толкач ССГ. 10: 186;

треску́ша (от *трещать*, ГА) – яичница глазунья. ССГ 10: 202;

Производных слов с модификационным словообразовательным значением в смоленских говорах значительно меньше, а именно шесть:

волоку́ша (от *волочиться*, ГЧ) – 3. *Экспр.* Девушка плохого поведения. ССГ 2: 72;

ворогу́ша (от *ворог*, СН) – 1. *Бран.* Нечистая сила. 2. Гнойниковое заболевание губ. ССГ 2: 77;

гайду́ша (от *га́йда* ‘о рослом человеке’ СЧ) – 1) Человек высокого роста. 2) *Неодобр.* Бездельник, бездельница. ССГ 3:11;

мяку́ша (от *мягкий*, ПЧ) – женщина, непривычная к труду. ССГ 6: 126;

просту́ша (от *простой*, ПЧ) – простой, добрый человек. ССГ 9: 62;

шугу́ша (от *шуга́* ‘огородное чучело’ СЧ) – бестолковый человек. ССГ 11: 159.

Нужно отметить, что все представленные слова с мутационным словообразовательным значением лишены негативной коннотации, данное замечание будет особенно важным в контексте характеристики производных слов в других говорах. «Субъект, пытаясь обозначить внеязыковую реальность, онтологический мир, в сущности, создает новую – лингвальную – действительность, которая подчиняется законам субъекта, стереотипам, являющимся отражением заложенных в языке моделей преобразования внеязыкового мира в языковой, преломленных через лингвальную компетенцию номинанта» [11, с. 29].

Брянские говоры представлены лишь шестью производными словами с суффиксом -уш(а), из них четыре демонстрируют мутационное словообразовательное значение:

⁴ Список используемых сокращений в конце статьи (*примеч. ред.*).

⁵ Словарь смоленских говоров Том1-Том 11, Смоленский пед. ин-т им. Карла Маркса; под ред. доц. А. И. Ивановой, Смоленск, 1974.

⁶ Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965.

волокуша (от *волочить*, ГА) – приспособление для перевозки на лошади или машине сена, соломы и пр., состоящее из одного длинного бревна с колесами на концах и прикрепленных к нему, тянущихся за ним по земле длинных жердей, на которые накладывают груз. СБГ⁷ 3: 44;

горбуша (от *горб*, ГН) – спина человека. СБГ 4: 40;

горькуша (от *горький*, ПН) – травянистое растение семейства гречишных с ломким сочным ветвистым стеблем и плотной кистью мелких розовато-белых цветков, сорняк в злаковых и огородных культурах; горец, *Polygonum* L. СБГ 4: 48;

плоскуша (от *плоский*, ПН) – сорняк. Курганская 2011: 247;

и одно слово обозначает словообразовательную модификацию:

барануша (от *баран*, СН) – молодой баран. СБГ 1: 30.

Нужно заметить, что все производные слова с мутационным словообразовательным значением из брянских говоров зафиксированы с примерно тем же значением, как и в смоленских говорах, т.е. демонстрируют общую материальную культуру юго-западной зоны русско-белорусского пограничья [17]. Модификационные значения у слов из брянских говоров не находят подтверждения в смоленских говорах в силу их малочисленности, и, по всей вероятности, более позднего образования. Важно при этом, что сами смоленские говоры отличаются от остальных русских народных говоров особым статусом, связанным с их переходным характером между двумя языковыми системами русского и белорусского языков и русских и белорусских говоров.

Псковские говоры, частично входя в Западную группу русских народных говоров Европейской части России, демонстрируют иную тенденцию распределения производных существительных с суффиксом -уш/а, нежели смоленские и брянские говоры. Рассмотрим производные в псковских говорах подробнее.

Мутационное словообразовательное значение, являясь ядерным для Западной группы говоров, остается весьма распространенным в псковских говорах – оно встречается в следующих существительных:

боковуша (от *боковой*, ПА) – изба на краю деревни. ПОС⁸ 2: 82;

болтуша (от *болтать*, ГА) – 3. Мучная каша. ПОС 2: 93;

брякотуша (от *брякотать*, ГА) – небольшая вещь, которая звякает, бренчит; побрякушка. ПОС 2: 197;

бурдуша (от *бурда* с тем же значением, СА) – пивной осадок, отстой. ПОС 2: 216;

векуша (мена финаля основы в *вёкша* ‘белка’, слово условно членимое, СН) – белка. ПОС 3: 68;

волокуша (от *волочить*, ГА) – 1. Приспособление для перевозки сена, соломы волоком: несколько жердей, скрепленных поперечиной. 2. Количество чего-нибудь (сена, соломы), помещающееся на этом приспособлении. 3. Приспособление для перевозки бревен волоком в виде двух широких полозьев, скрепленных брусом. 4. Толстое бревно с осью, употребляемое для разминания, разбивания комьев на пашне. 5. Бредень. ПОС 4: 119-120;

высокуша (от *высокий*, ПН) – участок, расположенный на высоком месте. ПОС 6: 65;

гнилуша (от *гнилой*, ПН) – название части озера Алё в Новоскольническом районе. ПОС 7: 27;

голодуша (от *голод*, можно предположить полимотивационные словообразовательные связи и от прилагательного *голодный*, но в этом случае будет происходить нехарактерное для модели усечение суффикса в производящей основе, что свидетельствует в пользу первого варианта, СА) – небольшой мешок, торба для кормления лошади в дороге. ПОС 7: 64;

горбуша (от *горб*, СН) – 2. Гора, холм. ПОС 7: 97;

горбуша (от *горб*, СА) – 3. Крайний ломоть, отрезанный от каравая, пирога. 4. Коса с сильно изогнутым лезвием и коротким косовищем. ПОС 7: 97;

⁷ Словарь брянских говоров / ЛГПИ им. А. И. Герцена, под ред. В. И. Чагишева, 1976.

⁸ Псковский областной словарь с историческими данными / ЛГУ им. А. А. Жданова, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина; [редкол.: Б. А. Ларин и др.]. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967.

- горлу́ша** (от *горло*, растение используется в народной медицине при простудах, СН) — чер-
ноголовка обыкновенная, *Prunetta vulgaris* L. ПОС 7: 114;
- городу́ша** (от *город* ‘огород’, СН) — большая мышь. ПОС 7: 128;
- гору́ша** (от *гореть*, ГА) — 1. Маленький керосиновый светильник, коптилка. ПОС 7: 138;
- гору́ша** (от *гореть*, ГН) — 2. Выгоревшее место. ПОС 7: 138;
- горьку́ша** (от *горький*, ПН) — 1. Лопух. 2. Сурепка. ПОС 7: 140;
- грабу́ша** (от *грабить* ‘лопатой, граблями собирать в одно место’, ГА) — плотно сбита охапка
сена, взятая с помощью граблей. ПОС 7: 169;
- гряду́ша** (от *гряда*, СН) — огородная крыса. ПОС 7: 172;
- густу́ша** (от *густой*, ПА) — густая каша из ржаной муки грубого помола, сваренная на воде.
ПОС 8: 97;
- дику́ша** (от *дикий*, ПН) — 1. Дикая яблоня. 2. Гречиха. ПОС 9: 71;
- долбу́ша** (от *долбить*, ГА) — сосуд, выдолбленный из цельного куска дерева; деревянная
миска, чашка. ПОС 9: 127;
- долгу́ша** (от *долгий*, ПА) — 2. Длинная, узкая телега, линейка. 3. Рыболовный снаряд кони-
ческой формы, сплетенный из прутьев (для ловли щук). 5. Длинный свободный рукав женской
рубашки. ПОС 9: 133;
- долгу́ша** (от *долгий*, ПН) — 4. Высокая яблоня с тонким стволом. ПОС 9: 133;
- дробу́ша** (от *дробить*, ГА) — 1. Мелкие кусочки чего-н.; мука крупного помола. 2. Кушанье
из хлеба, накрошенного в воду или молоко; тюря. 3. Нежирное отварное мясо; мелкие кусочки
этого мяса. ПОС 9: 209;
- дробу́ша** (от *дробный*, ПН) — 4. Мелкая рыба (плотва, уклейка), используемая для наживки
переметов. ПОС 9: 209;
- иглу́ша** (от *игла*, СА) — поперечная палочка в носу и корме лодки. ПОС 13: 155;
- несу́ша** (от *нести*, ГН) — курица, которая несет яйца. ПОС 21: 256;
- нёру́ша** (от *нёро* ‘крестовина в различных устройствах’, СА) — ворот в носовой части ладьи,
посредством которого судно подтягивают к берегу, пёруша служит также для нагрузки товара
взамен лебедки. ПОС 26: 49;
- песку́ша** (от *песок*, СН) — мелкая речная рыба. ПОС 26: 60;
- пласту́ша** (от *пласт*, СА) — льняное волокно второго очеса. ПОС 26: 226;
- плоску́ша** (от *плоский*, ПН) — мелкое насекомое-паразит на теле человека. ПОС 26: 300;
- повалу́ша** (предположительно, от *повалить*, ГА) — одна из частей средневековых хором — от-
дельная постройка, служившая жилым помещением или кладовой. ПОС 27: 195;
- слепу́ша** (от *слепой*, ПН) — болезнь, в примере: ‘слепу́ша — эта кишки внутри забалютать, вы-
рязают’. ПОС 11: 31.

Примечательно, что мотивирующая база всех приведенных выше слов примерно одинаково распределяется между основными частями речи: на долю существительных (С) приходится 12 случаев, прилагательных (П) — 11 и глаголов (Г) — 10 случаев. Так же приблизительно одинаково распределяются наименования артефактов (А) — 17 единиц и натурфактов (Н) — 16 единиц. Эти наблюдения дополнительно говорят в пользу целесообразности описания производной лексики псковских говоров с общим мутационным значением посредством комплексной словообразовательной единицы — словообразовательной ниши.

Слова с модификационным словообразовательным значением также широко представлены в псковских говорах, однако они незначительно уступают существительным с мутационным словообразовательным значением — их 31 против 33 слов в первой группе, с учетом того обстоятельства, что Псковский областной словарь является продолжающимся изданием, из-за чего не все слова псковских говоров попали в данный обзор. Модификационное словообразовательное значение понимается как значение, которое вносит дополнительные компоненты смысла

в производное слово, но при этом существенно не меняет его семантическую структуру. Очень часто модификационное словообразовательное значение бывает вызвано дополнительной стилистической окрашенностью, чаще всего пренебрежительной.

Рассмотрим производные существительные с модификационным словообразовательным значением в псковских говорах подробнее:

- бабу́ша* (от *баба*, СЧ) – бабушка, старушка. ПОС 1: 88;
- барабу́ша* (от *бараболить*, вариант *балаболить*, ГЧ) – болтливый человек, пустомеля. ПОС 1: 110;
- бестолку́ша* (от *бестолковый*, ПЧ) – несообразительный, забывчивый человек. ПОС 1: 195;
- бойку́ша* (от *бойкий*, ПЧ) – бойкая девушка, женщина. ПОС 2: 79;
- болту́ша* (от *болтать*, ГЧ) – 1. Любительница пустословить, говорить вздор. ПОС 2: 93;
- брату́ша* (от *брат*, СЧ) – брат. ПОС 2: 152;
- векову́ша* (от *вековой*, ПЧ) – не вышедшая замуж женщина, старая дева. ПОС 3: 67;
- врагу́ша* (от *враг*, СЧ) – 1. Женск. к враг. 2. Бес, демон. ПОС 5: 32;
- галду́ша* (от *галдеть*, ГЧ) – тот, кто много кричит, шумит. ПОС 6: 131–132;
- глупу́ша* (от *глупый*, ПЧ) – 1. Неразумное, глупое живое существо. ПОС 6: 190;
- глупу́ша* (от *глупый*, ПН) – 2. Малек снетка. ПОС 6: 190;
- голоду́ша* (от *голод*, СН) – 1. Отсутствие продуктов питания как массовое бедствие. ПОС 7: 64;
- горбу́ша* (от *горб*, СЧ) – 1. Горбатый человек. ПОС 7: 97;
- далеку́ша* (от *далекий*, ПЧ) – человек, который приехал издалека. ПОС 8: 120;
- дочу́ша* (от *дочь*, СЧ) – *Ласк.* дочь. ПОС 9: 189;
- долгу́ша* (от *долгий*, ПЧ) – 1. Высокая девочка или женщина с длинными тонкими ногами. ПОС 9: 133;
- дробу́ша* (от *дробный*, ПЧ) – 5. Болезненная женщина или девочка. ПОС 9: 209;
- жадну́ша* (от *жадный*, ПЧ) – то же, что *жадина* и *жадина* – жадный, скупой человек (с добродушным осуждением). ПОС 10: 149;
- клику́ша* (от *кликать*, ГЧ) – колдун; женщина, страдающая кликушеством. Королева 1: 97;
- ладу́ша* (от *ладонь*, мена финалей, СЧ) – гладкий, как ладуша. *Одобр.* О хорошо откормленных, гладких от сытости животных. Мокиенко: 102;
- нему́ша* (от *немой*, ПЧ) – немая женщина, девушка. ПОС 21: 171;
- нерку́ша* (от *нервы*, СЧ) – неврастеник. ПОС 21: 223;
- нескладу́ша* (от *нескладный*, ПЧ) – 1. Небылица, выдумка. 2. Неразумные обычаи. ПОС 21: 236;
- облыку́ша* (от *облыкаться* со значением ‘бездельничать’, ГЧ) – лентяй, бездельник. ПОС 22: 223;
- пальту́ша* (от *пальто*, СА) – детское пальто. ПОС 25: 62;
- пану́ша* (от *пáпа* ‘хлеб’ СА) – 1. Связка листьев табака. 2. Булка, калач. ПОС 25: 99;
- писку́ша* (от *пищать*, ГЧ) – плакса. ПОС 26: 180;
- плаку́ша* (от *плакать*, ГЧ) – в похоронном обряде: женщина, оплакивающая покойника. ПОС 26: 211;
- подтягу́ша* (от *подтягивать*, ГЧ) – человек, который постоянно подтягивает платье. ПОС 28: 326.
- хитру́ша* (от *хитрый*, ПЧ) – в примере о человеке: ‘змея подхалимная, хитрая сильна, такая хитруша’. Гл. Мокиенко: 42.

Распределение по частям речи производящих основ в данном случае примерно такое же, как и в первой группе, объединяющей существительные с мутационным значением: от прилагательных (П) образованы 12 слов, от глаголов (Г) – 11, от существительных (С) – 8, однако принцип номинации для производных слов существенно отличается: подавляющее большинство лексических единиц, а именно 27, называет человека (Ч), на долю артефактов (А) и натурфактов (Н) приходится по два слова в каждом случае. Это подтверждает предположение о преимущественном использовании модификационного словообразовательного значения для названия человека и его свойств.

Таким образом, по данным проведенного исследования Западная группа говоров представлена диалектными существительными с суффиксами -уш/а неравномерно: с одной стороны, производными существительными смоленских и брянских говоров с преобладанием мутационного значения, а с другой стороны – существительными псковских говоров с преобладанием модификационного значения. Характер отношений между производящими и производными основами, специфика лексико-грамматического значения производных слов и частеречной принадлежности производящих позволили описать основные особенности слов с точки зрения территориальной оппозиции «север – юг» внутри Западной группы говоров.

Совершенно иное наполнение словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а представлено в говорах Сибири. Словообразовательные значения мутации и модификации в пределах словообразовательной ниши приблизительно равновесны, но при этом незначительно преобладает модификационное значение – оно представлено в 23 словах, в то время как мутационное – в 20 словах. С другой стороны, именно мутационное значение представлено предельно разнообразно с точки зрения характера отношений производных и производящих основ с учетом их грамматических и семантических характеристик. Остановимся на этой групп слов подробнее:

белоголу́ша (от *белая голова*, ССН) – сорт ранней пшеницы с беловатым колосом; белоколо-ска. 1, 1: 61;

волоку́ша (от *волочь*, ГА) – 1. Приспособление для подвозки сена к стогу, сделанное из двух ветвистых берез, скрепленных перекладной. 2. Небольшой воз сена. 1, 1: 170;

горбу́ша (от *горб*, СА) – 2. Приспособление для переноски тяжестей на спине. 3. *Устар.* Вид сарафана с воротом. 4. 1) *Устар.* Коса с изогнутым, заостренным с обеих сторон лезвием, насаженным на короткий черен. 2) Внешняя, выпуклая часть серпа. 1, 1: 265–266;

горну́ша (от *горну́ть* и *сгорну́ть* ‘сгрести’, СА) – небольшое углубление в левой или правой стороне русской печи, куда загребают угли и золу. 1, 1: 269;

долгу́ша (от *долгий*, ПА) – 2. 1) Длинная, плетенная из прутьев ловушка для рыбы. 2) Длинная телега для перевозки дров. 1, 2: 53;

кату́ша (от *катать*, ГА) – ледяная горка, устроенная для катания детей. 3: 47;

кваку́ша (от *квохтать*, фонетический вариант в говорах *квоктать*, ГН) – курица-наседка. 1, 3: 52;

квохту́ша (от *квохтать*, ГН) – наседка. 3: 56;

клокту́ша (от *клокта́ть* ‘квохтать о курах’, ГН) – курица-наседка. 3: 73;

косу́ша (от *косой*, ПА) – самодельная, примитивная коса, напоминающая серп. 3: 134;

красноголу́ша (от *красная голова*, ССН) – сорт пшеницы с темным стеблем и красноватым колосом. 3: 146;

криву́ша (от *кривой*, ПА) – 2. *Устар.* деревянная соха. 3: 152;

лову́ша (от *ловить*, ГА) – ловушка. 3: 225;

мокру́ша (от *мокрый*, ПН) – 1. Мокрица. 3: 283;

мяку́ша (от *мягкий*, ПА) – свежий домашний хлеб. 3: 310;

паку́ша (от *пак* ‘связка, тюк’, СА) – пачка, связка табачных листьев. 3: 166;

пару́ша (от *па́рить* ‘высиживать цыплят’, ГН) – курица-наседка. 3: 178;

потаску́ша (от *потаскать*, ГА) – груз, привязанный к капкану. 3: 424;

ра́туша (от *ра́та* ‘пешня’, СА) – деревянная рукоять пешни. 4: 149;

сину́ша (от *синий*, ПН) – пресноводная рыба. 4: 305.

Группа производных слов с модификационным словообразовательным значением представлена как некое семантическое целое, которое формирует ядро словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а на территории Сибири, 22 слова данной группы называют человека с добавлением отрицательной (чаще) или положительной коннотации. Оценочность, заложенная в производящей основе мотивирующего слова, актуализируется посредством присоединения

форманта, имеющего свою функциональную сферу применения, которую диалектоноситель безошибочно интуитивно определяет. Суффикс -уш/а функционирует преимущественно в диалектной подсистеме русского национального языка, что позволяет соотносить мировидение человека и процессы номинации людей при помощи такого форманта в аспекте дихотомии «должное поведение и недолжное поведение». Важно, что такую полярность задает огромный культурный пласт русского языка. Вместе с тем, значима пейоративность дериватов, номинирующих человека по физическому облику, в котором отсутствие силы оценивается как несоответствие норме, «объясняется это культурной маркированностью концепта ‘сила’. Сила обладает большей значимостью, поскольку в сознании русского человека представляет ценность. Сила соответствует норме и оценивается положительно в физиологическом контексте: сильный человек – здоровый человек» [6, с. 659]. Модификационное словообразовательное значение проявляется в стилистических пометах, сопровождающих производные слова: *презр.*, *экспрес.*, *пренебр.*, *уничижит.* и др.

Остановимся на словах с модификационным словообразовательным значением, бытующих в русских говорах Сибири, подробнее:

- боталуша* (от *ботало* ‘болтун, пустомеля’, СЧ) – 2) Болтун, пустомеля. 1, 1: 85;
- веньгуша* (от *вэньгать* ‘надоедливо ныть, хныкать’, ГЧ) – плакса. 1, 1: 124;
- ворогуша* (от *ворог*, СЧ) – *презр.* лентяйка. 1, 1: 176;
- вякуша* (от *вякать*, ГЧ) – *пренебр.* плакса. 1, 1: 218;
- вяньгуша* (от *вяньгать* ‘плакать’, ГЧ) – плакса. 1, 1: 218;
- гнилуша* (от *гнилой*, ПЧ) – *экспрес.* слабый, хилый, склонный к болезням человек. 1, 1: 244;
- горбуша* (от *горб*, СЧ) – 1. Горбатый человек. 1, 1: 265–266;
- дикуша* (от *дикий*, ПЧ) – *пренебр.* 1. Слабоумный, умственно отсталый человек. 2. Необщительный, нелюдимый человек, бирюк. 1, 2: 42;
- долгуша* (от *долгий*, ПЧ) – *экспр.* 1. Высокий, худой человек. 1, 2: 53;
- завяньгуша* (от *завяньгать* ‘пренебреж. заплакать’, ГЧ) – *презрит.* Нищий, попрошайка. 1, 2: 158;
- калекуша* (от *калека*, СЧ) – человек с физическими недостатками, калека. 3: 23;
- кликуша* (от *кликать*, ГЧ) – знахарь, колдун. 1, 3: 72;
- копуша* (от *копаться*, ГЧ) – *пренебр.* то же, что *копун*, *копунья*. 1, 3: 112;
- кривуша* (от *кривой*, ПЧ) – 1. Косоглазый или хромоногий человек. 3: 152;
- липуша* (от *липнуть*, ГЧ) – *презр.* Назойливый, привязчивый человек. 3: 217;
- лямуша* (от *лямать* ‘работать’, ГЧ) – *пренебр.* Медлительный, нерасторопный человек. 3: 245;
- мокруша* (от *мокрый*, ПЧ) – 2. В рыбной ловле: тот, кто идет впереди и тянет невод. 3: 283;
- моргуша* (от *моргать*, ГЧ) – *экспрес.* Нервнобольной, страдающий припадками человек. 3: 291;
- нескладуша* (от *нескладный*, ПЧ) – *уничиж.* Неуклюжий человек. 3: 381;
- подергуша* (от *подергиваться*, ГЧ) – *презр.* Неспokoйный, порывистый, резкий в движениях, жестях человек. 3: 290;
- сеструша* (от *сестра*, СЧ) – *ласк.* 1. Сестра. 2. Двоюродная сестра. 4: 293;
- хлопуша* (от *хлопать* ‘лгать’, ГЧ) – Лживый человек, лгун. 1, 1: 28.

Подобное распределение слов с мутационным и модификационным значениями, при широком диапазоне вариаций производящих основ (глагольных, субстантивных, адъективных, основ словосочетаний), используемых для наименований лиц, артефактов и натурфактов, свидетельствует о территориальной закреплённости словообразовательных, а с учетом специфики диалектного словообразования, одновременно и номинативных моделей. «Реконструкция диалектной картины мира включает в себя описание как минимум трех составляющих. Это, во-первых, воссоздание инвентаря объектов, актуальных для носителя говоров, во-вторых, изучение системы оценок этих объектов, а в-третьих, исследование типичных способов действия с объектами реконструируемого фрагмента картины мира» [18]. На западной границе России,

по всей вероятности, сохраняется большое количество архаических моделей, в пользу этого наблюдения говорит словообразовательная и лексическая «пестрота» анализируемой лексики; в сибирских говорах наполнение моделей сдвигается в сторону наименований лиц, причем часто такое именование сопровождается негативной коннотацией, в то же время устойчивость и однородность словообразовательных моделей может говорить об относительно новой языковой тенденции, характерной для говоров Сибири [19].

В целом же можно сделать вывод о том, что все производные существительные, рассмотренные в Западной группе говоров Европейской части России и в русских говорах Сибири, целесообразно описывать именно с точки зрения категории словообразовательной ниши, поскольку столь значимый для описания диалектной лексики в рамках словообразовательных типов принцип частеречной тождественности производящей основы в данном случае утрачивает принципиальность, так как на первый план выходит способность форманта вступать в деривационные отношения с производящими основами для актуализации разнообразных модификационных и мутационных словообразовательных значений.

Заключение

Выводы подтверждают положение, что «исследование синтаксических дериватов в их совокупности с базовыми для них единицами целесообразно проводить в границах словообразовательных ниш. Анализ мотивирующих синтаксических дериватов в пределах словообразовательных ниш перспективен, так как позволяет проследить процесс формирования формантных вариантов (а через них и новых суффиксов на русской основе) и появление в пределах типов мотивирующих, составляющих ядро определенной части речи» [1, с. 86]. Аксиологическая окрашенность производных слов, входящих в словообразовательную нишу с формантом -уш/а, детерминирует формирование своеобразного семантического рисунка ниши в западных и сибирских русских народных говорах. Выбор для анализа смоленских говоров в качестве ядерных в Западной группе определен их неповторимым своеобразием: по своему происхождению это говоры севернорусские (говоры кривичей верхнего Поднепровья), которые принадлежат к северной группе восточнославянских племенных диалектов. Вторичная основа говоров – южнорусская, и в настоящее время смоленские говоры относятся к Западной и Верхне-Днепровской группам южнорусского наречия.

Центральную группу в сибирских говорах образуют производные с формантом -уш/а, репрезентирующие значимые для диалектоносителя качества человека и особенности его поведения, а в западных русских говорах – важные для аксиогенного бытия человека артефакты и натурфакты (орудия труда, одежда, транспорт; сельскохозяйственные животные и культуры, промысловая рыба). Такая территориальная дистрибуция связана прежде всего с историческими особенностями формирования диалектного ландшафта территории России: если территория западных русских говоров представляет собой территорию говоров первичного заселения, то территория Сибири характеризуется как раз смешением первичных говоров и их сложным взаимодействием, что приводит, во-первых, к изменению количественного состава словообразовательной ниши с формантом -уш/а, а во-вторых, к смещению фокуса деривационного потенциала на реализацию номинаций человека с негативными коннотациями и, наконец, к формированию общего номинативного фона с мутационным и модификационным значением дериватов с формантом -уш/а. Важным является факт, что из функционирующих в диалектной системе формантов носитель диалекта интуитивно выбирает тот формант, который способен эксплицировать номинируемый объект или лицо, т. е. в сибирских говорах носитель диалекта избирает формант -уш/а чаще при номинации человека в оценочном суждении. Самой многочисленной по количественному составу выступает группа дериватов, представленных в разных аспектах их жизнедеятельности: бытовой, общественной, духовной. Пейоративность значения

дериватов позволяет сделать вывод о значимости для диалектоносителей ценностей, отход от которых трактуется как недолжное поведение. Инаковость оценки диалектоносителем человека, объектов и субъектов окружающей действительности позволяет говорить об особом мировидении, реализующемся при помощи отдельных словообразовательных единиц, в нашем случае – при помощи форманта -уш/а.

Список используемых сокращений

СА – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование артефакта (А);

СН – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование натурфакта (Н);

СЧ – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование человека (Ч);

ПА – производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование артефакта (А);

ПН – производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование натурфакта (Н);

ПЧ – производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование человека (Ч);

ГА – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование артефакта (А);

ГН – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование натурфакта (Н);

ГЧ – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование человека (Ч);

ССА – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование артефакта (А);

ССН – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование натурфакта (Н);

ССЧ – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование человека (Ч).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Араева Л.А.** Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
2. **Катышев П.А.** Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 127 с.
3. **Янценецкая М.Н.** Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Издательство Томского университета, 1979. 242 с.
4. **Белоглазова Е.В., Бобырева Е.В., Боженкова Н.А. и др.** Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни / под науч. ред. Н.А. Боженковой, М.Р. Желтухиной. М.: Инфра-М, 2024. 294 с.
5. **Сигал К.Я., Карасик В.И. и др.** Общая и русская лингвоаксиология / под ред. М.С. Миловановой. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
6. **Новикова М.Л., Маркелова Т.В.** Геопоэтический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 3. С. 658–685. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685
7. **Вендина Т.И.** Антропология диалектного слова. СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с. DOI: 10.31168/4469-1776-1

8. Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. 702 с. DOI: 10.31168/91674-550-4
9. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
10. Теркулов В.И., Курмакаева Н.П., Мозговой В.И., Першина К.В., Кудрейко И.А. и др. Донецкий региолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.
11. Блинова О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. М.: УРСС, 2010. 208 с.
12. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 263 с.
13. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 1. С. 3–7.
14. Журавлев А.Ф. Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. 2018. № 19–20. С. 171–187. DOI: 10.31168/0412-1.2.4
15. Климова Л.А. Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2021. № 15. С. 185–206.
16. Араева Л.А., Лушпей А.А. Словообразовательный формант как инструмент процесса этнокультурной идентичности носителей языка (на материале диалектных дериватов с формантом -уш/а) // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (6). С. 748–756. DOI: 10.17516/1997-1370-0756
17. Лунькова Е.С. Взаимодействие непроемной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия) // Неофилология. 2021. № 26. С. 202–212. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212
18. Ильина Е.Н. Пища в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 110–118. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-1-106-9
19. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 2000. 178 с.

REFERENCES

- [1] Arayeva L.A., Slovoobrazovatelnyy tip [Derivative type], Librokom, Moscow, 2009.
- [2] Katyshev P.A., Motivatsionnaya mnogomernost slovoobrazovatelnoy formy [Motivational multidimensionality of word-formation], Tomsk University Publishing House, Tomsk, 2001.
- [3] Yantsenetskaya M.N., Semanticheskiye voprosy teorii slovoobrazovaniya [Semantic issues of word formation theory], Tomsk University Publishing House, Tomsk, 1979.
- [4] Beloglazova Ye.V., Bobyreva Ye.V., Bozhenkova N.A. et al., Yazyk: zhizn smyslov VS smysl zhizni [Language: the life of meanings vs the meaning of life], ed. by N.A. Bozhenkova, M.R. Zheltukhina, Infra-M, Moscow, 2023.
- [5] Sigal K.Ya., Karasik V.I. et al., Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya [General and Russian linguaxiology], ed. by M.S. Milovanova, Kantsler, Moscow, Yaroslavl, 2022.
- [6] Novikova M.L., Markelova T.V., Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 14 (3) (2023) 658–685. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685
- [7] Vendina T.I., Antropologiya dialektного slova [Anthropology of the dialect word], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2020. 684.
- [8] Tolstaya S.M., The World of Man in the Mirror of Language. Essays on Slavic linguistics and ethnolinguistics, Indrik, Moscow, 2019. DOI: 10.31168/91674-550-4
- [9] Tolstoy N.I., Language and Popular Culture. Essays on Slavolic Mythology and Ethnolinguistics, Indrik, Moscow, 1995. 509 s.
- [10] Terkulov V.I., Kurmakaeva N.P., Mozgovoy V.I., Pershina K.V., Kudreyko I.A. et al., Donetsk Regiolect, ed. by V.I. Terkulov, Folio, Donetsk, 2018.
- [11] Blinova O.I., Yavleniye motivatsii slov: leksikologicheskiy aspekt [Phenomenon of word motivation: lexicological aspect], URSS, Moscow, 2010.

[12] **Belyakova S.M.**, *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira: (na materiale russkikh starozhilcheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [The image of time in the dialect picture of the world (based on the Russian old-timer dialects of the south of the Tyumen region)], The University of Tyumen Publishing House, Tyumen, 2005.

[13] **Goldin V.Ye.**, Narrative in Dialect Discourse, *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 9 (1) (2009) 3–7.

[14] **Zhuravlev A.F.**, Dialectal dictionary of personality (Notes on features of the genre), *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Research in Slavic Dialectology], 19–20 (2018) 171–187. DOI: 10.31168/0412-1.2.4

[15] **Klimkova L.A.**, Dialectal Component in the Linguistic Persona of a Former Rural Citizen, *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)*, 15 (2021) 185–206.

[16] **Arayeva L.A., Lushpey A.A.**, Word-Formational Formant as a Tool of the Process of Native Speakers' Ethnocultural Identity (Case Study: Dialect Derivatives with the Formant -yш/a), *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (6) (2021) 748–756. DOI: 10.17516/1997-1370-0756

[17] **Lunkova Ye.S.**, The Interaction of the Underived Vocabulary of the Smolensk Patois and the Belarusian Language (Incomplete Lexical Matches), *Neophilology*, 26 (2021) 202–212. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212

[18] **Pyina Ye.N.**, Food in the Language World Picture of the Belozerye Inhabitants, *Cherepovets State University Bulletin*, 1 (106) (2022) 110–118. DOI:10.23859/1994-0637-2022-1-106-9

[19] **Azarkh Yu.S.**, *Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovaniye v lingvogeograficheskom aspekte* [Russian nominal dialectal word formation in the linguogeographic aspect], Nauka, Moscow, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Лушпей Анастасия Александровна

Anastasiia A. Lushpey

E-mail: ana1534@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8418-0453>

Лунькова Екатерина Сергеевна

Ekaterina S. Lunkova

E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2536-9886>

Поступила: 28.03.2025; Одобрена: 03.06.2025; Принята: 30.06.2025.

Submitted: 28.03.2025; Approved: 03.06.2025; Accepted: 30.06.2025.